

Двойное приношение Дмитрию Шостаковичу

Рождественский и Ростропович дорисовали реальность

Илья Овчинников,
Татьяна Давыдова

Геннадий Рождественский и Мстислав Ростропович — среди ныне живущих музыкантов нет больше ни одного, чья творческая жизнь на всем ее протяжении была бы до такой же степени связана с музыкой Шостаковича. В день столетия композитора в Большом зале консерватории Ростропович дирижировал Первым скрипичным концертом и Восьмой симфонией, а в Большом театре под управлением Рождественского прошла опера «Леди Макбет Мценского уезда». Масштаб обоих событий без преувеличения можно назвать эпохальным.

В книге «Треугольники» Геннадий Рождественский вспоминает эпизод, происшедший во время европейского турне оркестра Ленинградской филармонии 1962 года. Рождественский и Ростропович листали парижские газеты в поисках рецензий на прошедшие концерты. Увидев это, Шостакович попросил музыкантов: «Дайте мне слово, Геннадий Николаевич, Слава... Дайте мне слово, что вы никогда впредь не будете интересоваться грязными листками бумаги, на которых некто пишет, что вы играли слишком медленно или слишком быстро, понимаете ли, слишком быстро, слишком быстро...» Речь об этой истории зашла не случайно: уже почти восемь лет, как Ростропович не выступал в Москве, и пять лет, как Рождественский расстался с Большим театром. В обоих случаях не последнюю роль сыграла обида музыкантов на прессу, хотя обращать внима-

Репертуар Мстислава Ростроповича необычайно широк, однако главным композитором для музыканта всегда оставался Шостакович

ние на «грязные листки бумаги» выдающимся маэстро действительно не стоило.

Тем ценнее то, что в юбилейный вечер бывшие конфликты удалось забыть: без Ростроповича и Рождественского столетие Шостаковича невозможно себе представить. Ростропович был первым исполнителем обоих виолончельных концертов, осуществил первую (возможно, лучшую) запись «Леди Макбет Мценского уезда», а позже вернул оперу на российскую сцену. Рождественский записал такие шедевры Шостаковича, как «Нос» и «Игроки», музыку к фильму «Новый Вавилон» и другим, а также не-

сметное количество сочинений малой формы. Оба дирижера записали все симфонии Шостаковича, оба пропагандируют в мире его музыку и по сей день.

С «Леди Макбет» Рождественский появился в Большом не впервые: в 1980 году он ставил здесь вторую редакцию оперы и еще тогда надеялся со временем вернуться к первой. Сейчас Геннадию Николаевичу пришлось иметь дело с не слишком удачной постановкой Темура Чхеидзе двухлетней давности, лишенной сколько-нибудь внятных идей, но это, похоже, не слишком заботило дирижера. Его целью было преподнести

«Леди Макбет» в первую очередь как гигантское симфоническое полотно, и эта задача была решена с необыкновенным успехом. Дела не портил и неровный состав солистов (в котором выделялась Татьяна Смирнова — Катерина): главным героем всего действия был оркестр. Филигранно отработав каждое соло и tutti, Рождественский подарил слушателям почти три часа великой музыки в конгениальном исполнении.

В свою очередь, концерт Госоркестра под управлением Мстислава Ростроповича совместил в себе мемориальный вечер, мастер-класс и культурно-политическую акцию. Приметы первого очевидны. О втором напомнило то, что маэстро прибыл работать с оркестрантами словно гуру, обучая Шостаковичу по своей методике в течение семи репетиций. И наконец, третье: ради любимого композитора он согласился так выступить в Москве.

Средства от концерта и гонорар маэстро пошли в Фонд имени Шостаковича, учрежденный Ростроповичем в помощь одаренным аспирантам и студентам Московской государственной консерватории (МГК). Программа концерта также обнаружила наличие связей с консерваторией, которые обозначил министр культуры Александр Соколов — сделать это бывшему ректору МГК, надо полагать, было особенно приятно. Он напомнил о том, что с 1943 по 1948 год Шостакович преподавал в консерватории; исполнявшиеся произведения — Восьмая симфония и Первый скрипичный концерт — соответствуют началу и концу этого периода. Именно в МГК Евгений Мравинский готовил премьеру симфонии с Госоркестром (еще одна параллель с настоящим днем). На репетицию то-

гда пришел молодой студент Ростропович и, будучи в восхищении от услышанного, зарекся заниматься сочинительством.

Сегодняшнюю консерваторию представлял профессор Виктор Третьяков, солировавший в скрипичном концерте, впрочем, не составившем с симфонией равнозначную пару. И дело тут не в отсутствии единомыслия исполнителей, а скорее в стечении объективных обстоятельств: маэстро отдал приоритет Восьмой симфонии и бросил на ее строительство основные силы. Оркестр же не выказал полной готовности к лету справиться со всеми сложностями «концертной симфонии с солирующей скрипкой». Третьяков, большой мастер, исполнил партию с высочайшей концентрацией, но без былого блеска и крайне однородно с точки зрения образности. Тогда как у Ростроповича, одного из немногих, Шостакович способен быть бесконечно разным, а не только глубокомысленным и страдающим.

Триумф Восьмой симфонии, завершившейся овацией, оправдал труд музыкантов. Трагедия Ростроповича, если сравнить ее с известными записями, не претерпела существенных изменений — ему не нужно вновь доказывать, что он понимает этого автора как никто другой. Из самых потаенных уголков мироздания Шостаковича маэстро умеет извлекать максимум смыслов, полярных и неожиданных образов, лучшим примером чему служит в его исполнении Восьмая. Ростропович безапелляционно и логично вписывает свои интерпретации в портрет живого, а не канонизированного или ошельмованного художника, с уверенностью очевидца дорисовывая окружающую Шостаковича реальность.

Фото: ИТАР-ТАСС